

О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ЙОВАНА РАИЧА

Знаменитый сербский историк и писатель XVIII в. Йован Раич привлекал внимание филологов главным образом своеобразием своей языковой практики, использованием элементов разных языковых идиомов (часто оцениваемым как «смещение», см. [Младеновић 1964]; [Терзић 1988]; [Толстой 1990]) – русскославянского, народного и в меньшей степени славяносербского языка, взаимоотношение и взаимодействие которых определяло характер языковой ситуации в Сербии во второй половине XVIII и в начале XIX в. ([Младеновић 1973]; [Толстой 1978]; [Гудков 1981]). Анализ языка и стиля исторических, литературных, церковно-учительных сочинений и переводов Йована Раича дает возможность реконструировать языковую позицию автора, его отношение к актуальным для того времени литературно-языковым образцам, принципы, которыми он руководствовался при выборе каждого из них, их сочетании и конструировании новых, синкретичных языковых форм.

Другим источником для характеристики лингвистических воззрений Йована Раича могут служить его непосредственные высказывания о языке, содержащиеся в четырехтомном историческом труде «Исторія разныхъ славенскихъ народовъ наипаче Болгарь, Хорватовъ и Сербовъ изъ тмы забвенія изытая и во свѣтъ историческїи произведенная Іоанномъ Раичемъ архимандритомъ во свято архагелскомъ монастырѣ Ковилѣ», который был издан в Вене в 1794–1795 гг., но написан почти на три десятилетия раньше. Эти высказывания хотя и занимают скромное место в капитальном историческом трактате, составляют его неотъемлемую и органическую часть, поскольку автора неизменно интересуют вопросы этногенеза и родства славянских народов, в решении которых главная роль отводится языку (ср. «Зане сей есть главный и неложный доводъ историческїи, когда они сродство Народовъ показати хотять, то смотрять наипаче поне нѣкое согласіе въ діалектѣ» – т. 1, с. 326). Как правило, это суждения по общим вопросам, касающимся природы и происхождения языка, языкового родства, языковых контактов, но в «Истории» немало и «этимологических» экскурсов, объясняющих конкретные термины (этнонимы, лингвонимы, географические названия). Далекое не все в этих рассуждениях можно приписать самому Йовану Раичу: исследователи текста «Истории» не раз отмечали ее компилятивный характер (соответствующий историографической традиции и практике

того времени), не всегда позволяющий отделить собственные высказывания Раича от мнений других авторов, в изобилии цитируемых и комментируемых им.

В качестве общих названий языковых идиомов Раич использует слова *диалект*, *язык*, *наречие* и *стиль*. Из них наиболее употребителен термин *диалект*, относящийся к идиому любого уровня. Так, в «Каталоге аукторов достовѣрных, изъ которыхъ Историческая повѣсть сія составлена» (т. 1, без пагинации) читаем: «превель с Греческаго на Латинскій діалектъ»; «описаль... Греческимъ діалектомъ; о діалектѣ Іллурическомъ»; «печатанъ на Латинскомъ діалектѣ»; «сочинилъ Хорватскимъ простимъ діалектомъ»; «Росскимъ діалектомъ»; «начало Славенскаго Языка или Діалекта». Термином *язык* могут обозначаться те же самые идиомы, что термином *диалект* (ср. «превель на Латинскій языкъ»; «преведенъ же съ Латинскаго языка на Россискій»; «издалъ на Таліанскомъ языкѣ»; «Великороссійскій, или малороссійскій Языкъ»), но, кроме того, ему придается значение иерархически более высокого идиома, например, он используется для обозначения общеславянского (праславянского или церковнославянского) языка, по отношению к которому дочерние славянские языки или изводы определяются как *диалекты*: «Вси обаче сіи и иніи множайшіи Народи общее Славянъ нарицательное имя воспріяли, и по природѣ одержали. И аще они діалектомъ въ нѣкоей Части между собою различіе имѣють, но начало и источникъ тогоже Славенскаго Языка единъ и тойже есть. Аще многоразличными именами и особятся, нравами обаче и природою не далече отстоятъ» (т. 1, с. 69); ср. также: «превель съ Славенскаго языка на Латинскій»; «Славяно-Іллурическаго Языка древность» и т. п. Реже употребляет Раич термин *наречие*, который, как и *диалект*, противопоставлен или подчинен *языку*: «Тако древный оный Языкъ Славенскій въ Славенносербскихъ во Іллурикѣ церквахъ (кромѣ прочихъ Народовъ Славенскихъ Греческаго Исповѣданія) и до нынѣ процвѣтаетъ, а Іллурической, то есть простое нарѣчїе, или діалектъ Сербскій въ свѣтскихъ дѣлахъ употребляется» (т. 1, с. 48). Словом *стиль* Раич определяет язык знаменитого исторического сочинения Г. Бранковича, т. е. язык славяносербский (церковнославянский язык сербского извода): «Бранковичъ Георгій Деспотъ Историкъ Сербскій описаль Сербскую Историю отъ начала, до смерти Леополда Императора въ пяти книгахъ въ четверти старимъ Сербскимъ штиломъ» (т. 1, «Каталог», № 10).

Специально вопросам языка посвящена четвертая глава первой книги «Истории», содержащая девять параграфов и названная «О

Діалектѣ Славенскомѣ». В предметно-тематическом указателе («Оглавлении»), приложенном к последнему тому, автор так обозначает основные темы лингвистической главы: «Языка Славенскаго предѣли. К. I. Г. III. § 9. А именно кѣе: К. I. Г. IV. § 4. Того начало. К. I. Г. IV. § 1. Діалекти того главнѣйшіи. К. I. Г. IV. § 1. Примѣч. Славенскій како издревле назывался. К. I. Г. IV. § 2. Чимъ между собою различествуеть. К. I. Г. IV. § 2 и 8. Мати всѣхъ Діалектовъ Славенскихъ, кая. К. I. Г. IV. § 5. Іллурической нынѣшній нѣсть чистъ. К. I. Г. IV. § 6. О томъ дозволеніе Папино еже служити Божественныя службы. К. I. Г. IV. § 9. Вандаловъ каковъ былъ. К. I. Г. X. § 4».

По вопросу происхождения славян и их языка Раич разделяет популярную со времен средневековья концепцию, согласно которой славянские языки ведут свое начало от вавилонского столпотворения и смешения языков [Трифунювић 1994]: «И за подлино тако есть; коль древнѣйшій Народъ есть, толь древнѣйшему и Языку ихъ быти достоить. Народъ бо по Языку именоватися обыче, и отъ прочихъ отличествуеть: древность же рода Славенскаго еще отъ временъ Потопа и Фамиліи Іафетовой производится, какъ уже доказанно; что убо препинаеть рещи: и Языку Славенскому въ тѣхъ же временахъ начало свое имѣти» (т. 1, с. 42–43). При этом славянский язык причисляется им, вслед за другими авторами, к пяти «главнейшим» языкам, от которых произошли все прочие «диалекты»: «Кѣи же были тѣи Еврейскій (sic!) Языцы? инѣи Писатели назначаютъ пять таковыхъ 1) Еврейскій, 2) Еллинскій, 3) Латинскій, 4) Славенскій, 5) Нѣмецкій, потому что отъ сихъ Діалектовъ инѣи прорасли, яко на примѣръ, отъ Еврейскаго Сврскій, Халдейскій и прочіи, отъ Еллинскаго пять инихъ Діалектовъ различныхъ, отъ Латинскаго Італіискій, Французскій и прочіи. Отъ Славенскаго Рускій, Полскій, Боемскій, Сербскій, Болгарскій и инѣи. Отъ Нѣмецкаго на конецъ Данскій, Шведскій, Англійскій, Холандскій» (т. 1, с. 41). Таким образом, Раичу было не чуждо представление о генетическом родстве языков и родословном древе.

Однако Раич возражает своему современнику – венецианскому ученому Себастьяну Долчи, автору диссертации (издана в 1754 г.) об «иллирическом диалекте», т. е. о языке южных славян, который считал этот «диалект» древнейшим и сохранившимся неизменным с библейских времен общеславянским языком: «Въ томъ обаче Долчи мѣру превосходить, что нынѣ во Іллурикѣ употребляемый Славенскій Діалектъ древнѣйшій быти Славянъ языкъ описуеть, и всѣмъ общій. Но мнѣніе его постояти неможетъ по тому, что Славенскій Діалектъ во Іллурикѣ по изшествіи Славянъ изъ Сармаціи въ полуденныя страны проглашаемъ быти сталь, яко же убо Славяни, тако и Языкъ ихъ по самого его описанію отъ столпотворенія низхо-

дить» (т. 1, с. 41). По мнению Раича, древнейший славянский язык сохранился только в России, которую он считал прародиной славян и колыбелью общеславянского языка: «Сіе безспорно есть, что Россія въ древнѣйшихъ Сарматскихъ Славенскаго Языка Столицахъ и до нынѣ пребываетъ, прочіи же Народы Славенскіи изъ тояже Сармаціи, аки изъ собственнаго Дому изселившеся, в чужихъ краяхъ поселилися. Откуда прикладно есть рещи, что порѣкло и корень Языка того <...> и до нынѣ въ своихъ предѣлахъ старыхъ, нынѣшней Россіи, пребываетъ» (т. 1, с. 45). Но и современный Раичу разговорный русский язык не отождествляется им с праязыком славян, ибо он, подобно другим языкам, претерпел неизбежные изменения: «Когда Я Славенскаго Языка древность и чистоту въ Россійскихъ нѣдрахъ храниму быти сказую, не говорю то, аки бы нынѣшній Великороссійскій, или малороссійскій Языкъ чистѣйшій и старинный былъ; Діалекти бо суть, якоже и прочіи» (т. 1, с. 45).

Совершенно особое место и особую роль отводит Йован Раич книжному славянскому языку, сохранившему свой исконный общеславянский характер именно в России: «...но есть въ Россіи и другій особенный чистый называемый своимъ именемъ Языкъ Славенскій, который во общемъ разговорѣ неупотребляется, но есть точію церковный и священная писанія ово за славу, чистоту, и древность языка, овоже за славу Божія слова (такъ якоже Еврейскій и Елинскій) и вся церковная пѣнія и Молитвы на немъ печатаются, яко да вси обще уразумѣти могутъ. Чего паки примѣръ суть Русси, Поляки, Сербии, Болгари, Хорвати и прочіи, которіи прилѣжно чтуще оная, разумѣютъ» (т. 1, с. 46). На этом понятном всем славянам исконном «славянском» языке Раич пишет свою «Историю» и церковно-учительные тексты. Такое понимание функциональных различий между книжным, письменным, «общеславянским» языком и живыми славянскими диалектами присутствовало и у предшественников Раича – славянских и иностранных хронистов XVI–XVII вв. ([Толстой 1976]; [Толстой 1990a]).

Россию и русский письменный (книжный, церковный) язык считает Раич наследниками и хранителями кирилло-мефодиевской традиции сакрального славянского языка: «За толикое убо множество Народа Славенскаго въ купѣ же и древность Языка ихъ дозволено было отъ Римскаго престола на прошеніе Боемцовъ и Моравцевъ, еже священная писанія и Божественныя Літургїи на томже Языцѣ отправляти, и читати. Обычай бо есть Римской Церкви на трехъ точію Языкахъ церковныя служити службы, сирѣчь на оныхъ Языкахъ, которими вина Хрїстова распятїя написанна была, и якоже повѣствуетъ Исторїа Евангелская на Еврейскомъ, Елинскомъ, и Римскомъ. Но занеже простота Славенская неразумѣвала онихъ языковъ, нужда

же требовала чтомая разумѣвати, того для Кврилъ и Меѳодїи Апостолы Славенскїи, избрѣтше писмена Славяномъ, священная служенїя на тѣхъ имъ списавше отправляли. <...> Дозволенїе сїе въ Славенскихъ Римскаго закона церквахъ паки уничтожено, (кромѣ унїятскихъ) тако и до днесь пребываетъ; а придерживающїяся Греческаго Исповѣданїя тогоже Народа церкви противнымъ образомъ съ начала и до днесь на своемъ діалектѣ, вся церковная служенїя содѣлываютъ, яко да всякъ языкъ исповѣсть, славу Бога и Отца, и хвално будетъ имя Господне во всѣхъ Языцѣхъ» (т. 1, с. 49–50).

Славянское «двуязычие» (или, по терминологии Б. А. Успенского, диглоссия), т. е. функциональное разграничение гомогенных письменного и разговорного языков, сохраняется только у православных славян и утрачено у славян-католиков, в частности на славянском Юге: «Славяни же Іллурической Римскаго Закона яко нарѣчїе, тако и писмена Славенская отвергли, доволствующея точїю діалектомъ простимъ, которїй Іллурическимъ нарицають, и въ мѣсто писменъ Славенскихъ Римскїа литеры употребляти начали въ началѣ сего столѣтствїя» (т. 1, с. 48).

Что касается не письменных, а «разговорных» славянских языков, то Раич подчеркивает их близость, обусловленную генетическим родством, общность словаря при относительно малых различиях в произношении и грамматике, которые не препятствуют взаимному пониманию представителей разных славянских народов: «Елико убо Славенскихъ Народовъ, толико и Дїалектовъ тогоже Языка явно и изъ сихъ послѣдуетъ, и самый искусъ свидѣтельствуеть: всѣхъ обаче едино начало и корень, и тако рещи, вси помянутїи Дїалекти мало не во всѣхъ первообразныхъ реченїяхъ сходствуютъ, въ производныхъ же а наипаче въ произношенїяхъ различествуютъ, отъ чего и разность Дїалектовъ родилася, якоже и въ иностранныхъ Языкахъ случается» (т. 1, с. 44). И далее на ту же тему: «Вси между собою в нѣчесомъ различествуютъ наипаче въ окончанїяхъ и произношенїяхъ, а в самомъ нарѣчїи мало не во всемъ согласуются, еже оттуду познается, что Народы Славенскїи единъ другаго въ разговорахъ разумѣти могутъ. Тако на примѣръ Сербинъ разумѣеть рѣчь Боемцовъ, Моравцевъ, Поляковъ, Руссовъ, Болгаровъ и прочихъ, и напротивъ сїи вси Сербина бесѣдующа разумѣють» (т. 1, с. 48–49). Любопытны наблюдения Раича над специфическими чертами тех славянских языков, которые ему больше знакомы (это южнославянские и русский): «Всѣмъ единъ и тойже языкъ, хотя во многихъ рѣчахъ и произношенїи и отмѣненъ, или съ придаткомъ нѣкоторыхъ своего Дїалекта слоговъ, якоже Русси и Болгари творять, или сокращенїемъ нѣкихъ Литеръ, акоже Серби и Хорвати употребляютъ, а о Полякахъ, Боемахъ и инихъ Славянехъ [Долци] неупоминаеть, которїи

тойже Славенскій Народъ суще, но отъ прочихъ Народовъ Діалектомъ отличествуютъ» (т. 1, с. 44). Можно думать, что под «придатком слогов» имеются в виду болгарский артикль и русское полногласие, а под «сокращением неких литер» – сербскохорватские стяжения гласных и слоговые плавные.

Для Раича характерен в ряде случаев отказ от мифологических воззрений на язык в пользу своего рода историзма, что проявилось, в частности, в уже упомянутой его полемике с Себастьяном Долчи по вопросу о древности «иллирийского диалекта», а также в его рассуждениях о языковых контактах и их влиянии на языковое развитие: «...когда Народы Иллирическіи Славенскіи изселившеся изъ Сармаціи по разнымъ странамъ и провинціямъ долго шаталися, и съ иными Народами мѣшались, найпаче съ Хунами, и сожителствовали, что причиною быти могло, какъ что и случается, и поврежденія древныя чистоты Славенскаго Языка. Примѣри того явны суть Сербии, гдѣ они с Уграми живутъ, многія рѣчи ихъ въ свой Діалектъ ввели, а гдѣ съ Турками пребываютъ, ту и ихъ нарѣчію въ многихъ сообщаются. Тоеже можно рещи и о Боемахъ, Моравцахъ, Болгарахъ и прочихъ, онѣи съ Нѣмецкими обычаи и языкъ въ многихъ помѣшались, а сіи по болшей части слово и нравы Турецкія воспріями» (т. 1, с. 46–47).

Естественно, что более всего Раича интересовала южнославянская языковая ситуация и отношения внутри «иллирического наречия». Вслед за Мавро Орбини (Мавроурбином) Раич называет Иллириком всю территорию, занимаемую южными славянами, или даже весь Балканский полуостров: «Въ слѣдующихъ паки вѣкахъ, когда Славенскіи Народы Римскія Провинціи завладѣли, и Иллирикъ болшія еще Провинціи приобрѣль, и всю оную страну, которая между Адриатическимъ моремъ, и Дунавомъ отъ Савы рѣки, даже до Скарда и Има горъ Ораческихъ, и оттуду до Понта Евксина протягается, обималъ» (т. 2, с. 2), ср. у Мавро Орбини: «Двоукіе были Мізіане Иллирическіе, вышніе нынѣ названы отъ нѣкоторыхъ опісателей Сербы, отъ иныхъ еж (sic!) бошнаки. Ніжнія же названы болгары» [Мавро Орбини 1722: 141]. Соответственно иллирическим (или славеноиллирическим) языком (наречием, диалектом) называются у Раича все южнославянские языки, включая болгарский (а иногда также и русский). Вместе с тем так может называться и отдельный южнославянский язык, в частности, сербский: «По сему образу стало, что Славенскіи Народы одержавше Предѣли древныхъ Иллирцевъ и Далматъ, иніи и до нынѣ Далматинами, иніи же, яко Сербии, Иллирами называются, и языкъ Сербскій, Иллирическимъ именуютъ. И сіе не противно, зане тако обычаи древле быль отъ завоеванія нѣкія провинціи, и прованіе отъ нея получить» (т. 2, с. 31–32).

Говоря о болгарях, Раич категорически не соглашается с теми, кто объединяет болгар с влахами, и приводит свои лингвистические доводы: «Естли посмотримъ въ Турецкой области долго и широко обитающій Народъ Болгарскій, и нарѣчїе ихъ послушаемъ: всякаго сумнѣнїя кромѣ увидимъ и уразумѣемъ, что оны Славенскаго Народа отрасль суть. Бесѣда бо ихъ, явѣ ихъ творить Славянами быти. Съ чего удивляюся славному Историку Смейцелїю, что онъ Болгарскій родъ съ Влахискимъ мѣшаетъ, и едину породу, и языкъ обоимъ приписуетъ <...> Повѣсть его толь безсилна, некрѣпка, и неосновательна, коль явному вещей искусу противна есть. Когда бы сїи два Народы одинаго поколѣнїя (sic!) и языка были: то бы единъ другаго въ разговорѣ разумѣти могли, еже обаче противно видимъ. На противъ же Сербинъ съ Болгариномъ бесѣдуя удобъ разумѣтися могутъ, отъ чего и порода обоихъ согласна быти видится. Выше въ Главѣ о Влахахъ доказанно, что Народъ той отъ Римскихъ Колонїй въ Дакїи обитающихъ и Славенскихъ сосѣднихъ Народовъ прорасль, отъ куду и имя Полуславянъ приданно имъ. Зане нарѣчїе ихъ есть по большей части Латїнскаго языка, что всякому искусному въ языкѣ ихъ, и Латїнскомъ, не невѣдомо есть. Колико убо согласни въ породѣ и языкѣ Талїанцы съ Сербами, толико и Влахи съ Болгарами» (т. 1, с. 323–324). В этих рассуждениях вновь Раич опирается на понятие языкового родства и критерий языка как главного этнического показателя.

Представляет интерес и позиция Раича в отношении сербского и хорватского языков, которые для него еще два различных, хотя и близких славянских «диалекта»: «Ежели прочее кто спорити о породѣ ихъ [сербов] будетъ, и небыти ихъ Славянъ древныхъ отрицати станеть: тому лучшаго доказательства нетребуеть представляти, кромѣ нравовъ и Сербскаго языка, который они употребляютъ. Онъ сходень есть съ Хорватскимъ найпаче, по коей причинѣ Кедринъ Сербовъ Хорватами называетъ (въ том. I. ст. 665) въ маломъ же отличень и отъ прочихъ Славенскаго нарѣчїя діалектовъ» (т. 2, с. 128). В свою очередь о хорватах и их языке Раич пишет: «Къ тому кто видѣль и вѣдаетъ Хробати, тот абїе изъ Славенскаго языка, котораго они употребляютъ, дознаеть, что они и прямїи Славяни. Найлучшее бо доказательство есть языка употребленїе, коего кїи Народъ рода и порѣкла есть» (т. 2, с. 39).

Наконец, нельзя не сказать о пристрастии Раича, как и многих других современных ему хронистов и его предшественников, к этимологическим разысканиям, относящимся главным образом к этнонимии. С одной стороны, он стремится найти в этимологии этнонимов указание на исторические обстоятельства, условия жизни или свойства характера интересующих его народов, с другой – его уже не

могут удовлетворить произвольные и лишённые аргументации этимологические версии других авторов, хотя и те из них, которые кажутся ему приемлемыми, весьма далеки от какой бы то ни было научности. Раич ищет объяснения названий славянских народов на почве славянских языков, видя в славянской этимологии этнонима важный аргумент в пользу славянского происхождения самих народов. Приведем для примера несколько этимологических суждений Раича. **Печенеги:** «...имя свое отъ осторожности получили. Зане когда они воевали другъ друга ободряли сими Славенскими словеси: *Пази на се сирѣчь*, смотри себе, берегися, позорствуй, откуда и имя потомъ, притяжали *Пазиnasi*, аки осторожнїи. <...> Інїи паки производятъ имя ихъ отъ печенїя ногъ по той причинѣ, что они пасуше стада своя при огни грѣтися обыкли, а найпаче ноги къ огню обрашше нагрѣвали, откуда и названи Печинегі. Обоя сїя произведенїя суть Славенска, и оба въ доводъ быти могутъ, что они Славяны были, первое мнѣ много сходнѣе кажется» (т. 1, с. 120). **Россияне:** «Посмотримъ еще откуда они Россїанъ приобрѣли имя. Повнегда Славенскїй Народъ въ великое число привниде, начали по лицѣ земли разсѣиватися, и отъ разсѣленїя того получили новое имя *разсѣяни*, и по діалекту нынѣшнѣму Русскому Россїани. По тому и Греческїи Историки нарекли ихъ *спорами*, отъ *споросъ* сирѣчь Народомъ разсѣяннымъ. Тако о семъ свидѣтельствуєтъ Мавроурбинъ о Славянехъ Россискихъ <...> Другїи паки Историки проименованїю отъ града Росси, инїи отъ рѣки тогожь имене, нѣщїи отъ Русскихъ власовъ быти хотятъ <...> А Михайль Ломоносовъ въ краткомъ лѣтописцѣ своемъ <...> не отъ разсѣянїя, но отъ Роксолановъ, Россовъ имя производитъ, паче же отъ реки, при коей поселилися, Росси. Но отдадимъ и ему право тое, что и прочимъ, еже изобилувати въ мнѣнїи своемъ» (т. 1, с. 231–233).

Неудивительно, что больше всего волнует Раича этимология этнонима *сербы*. «Естли пожелаетъ Читатель моего въ произведенїи Сербскаго имене мнѣнїя, <...> моя бы то радость и желанїе было, естли бы я въ состоянїи былъ со свидѣтельства доказати оноє. Но когда въ томъ точїю догады мѣсто имѣють, то и я мое обявляю мнѣнїе и гаданїе. <...> Тако в семъ мнѣнїи пребываемъ, что древнѣйшее отечество Сербовъ Сибериа была, отъ коея и назвалися тако. Естли сими Читатель доволствовати неизволить, (ниже къ тому принуждаю его,) пусть изволить проискати добрихъ свидѣтельствъ, и тѣми исправитъ мнѣнїе мое, къ которому мнѣ поводъ подалъ выше приведенный Анонимъ» (т. 2, с. 154–155). В другом месте, однако, Раич защищает другую этимологию, связывая этноним *сербы* с глаголом *собирать*: «Зане и инїи Славенскїи Народы яко *Верли*, *Хервати*, *Пази-на-се*, *Вань-далѣ* свойство и храбрость Духа назначающе,

так о нарекли себе: подобнѣ и *Сорби* отъ *собранія во едино*, нарекли себе *Сабери*, или *Саберами*. Въ слѣдующей повѣсти показано будетъ, что произведеніе имене Сербскаго весьма сходно отъ *Саберовъ* происходитъ. Здѣ точію двоя въ имени семь примѣчанія достойная обрѣтаемъ: едино, что нарѣчіе сіе *Сабери* знаменуетъ многолюдство; Собраніе бо многимъ прилично есть. А оттуду познаваемъ, что Народъ *Сабери* нареченный потомъ *Серби*, былъ во свое время обильнъ и многолюденъ. Второе, занеже слово *Сабери* есть чистое Славенское, познаваемъ породу *Саберовъ* быти Славенскую. Къ тому, аще *Сабери* суть тѣжде *Серби*, якоже индѣ упомянется, то паки смѣло заключити можемъ, что *Серби* были Славяны многолюдни, и неменьшій прочихъ Народовъ Славенскихъ» (т. 2, с. 124–125). Заметим, что при обсуждении этимологических версий Раич пользуется критерием регулярных мотивационных моделей (например, говорит о номинации народов по свойствам их характера, по местам обитания и т. п.) и в меньшей степени руководствуется формальными признаками слов, хотя и этот критерий в некоторых случаях присутствует в его рассуждениях: «Иніи паки доказываютъ Готтовъ Нѣмецкія быти породы отъ согласія реченій, и производятъ Готтовъ отъ Нѣмецкаго реченія *Готтъ*, еже Славенски значить Богъ. Но кое Готомъ съ Богомъ согласіе, найпаче когда Готи Θ пишутся, и у Нѣмцовъ чрезъ *ТХ*, Θ , же греческое писмя (sic!) заключаетъ въ себѣ *ТС*, или *СТ*, а Нѣмецкое *Готтъ*, двойнымъ *ТТ*, пишется» (т. 1, с. 71). Йован Раич не был филологом и не имел собственной языковой программы. «Языковой вопрос» играл в его взглядах подчиненную роль: занятый проблемой славянского этногенеза, Раич-историк смотрел на язык прежде всего как на свидетельство общего происхождения и этнического родства славянских народов. Приверженность идее славянского единства и восприятие «славенского» книжного языка (в его русской версии) как воплощения и символа этого единства определили не только выбор русскославянской языковой модели при написании «Истории», но и характер прямых высказываний Раича о языке. В то же время лингвистические воззрения Раича в их соотношении со взглядами на язык других хронистов и писателей его времени (прежде всего русских и южнославянских) представляют несомненный интерес как для истории донаучного этапа славянского языкознания, так и для характеристики славянской литературно-языковой ситуации XVIII в.

Л и т е р а т у р а

Гудков 1981 – Гудков В. П. Книжно-письменный язык у сербов в XVIII – начале XIX в. // Формирование наций в Центральной и Юго-восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981. С. 135–150.

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

Мавро Орбини 1722 – Кніга Історіографія початія имене, славы и разшіренія народа Славянскаго... Зобрана изъ многіхъ кнігъ Історическіхъ, чрезъ Господіна Мавроурбіна Архімандріта Рагужскаго. Переведена со Італіанскаго на Російскои языкъ и Напечатана ... въ Санктпѣтербургскои Тupoграфіи, 1722 году, Августа въ 20 день.

Младеновић 1964 – *Младеновић А.* О народном језику Јована Рајића. Нови Сад, 1964.

Младеновић 1973 – *Младеновић А.* Типови књижевног језика код Срба у другој половини XVIII и почетком XIX века // Реферати за VII Међународни конгрес слависта у Варшави (1973). Нови Сад, 1973. С. 39–53.

Терзић 1988 – *Терзић Б.* Вук о језику Рајићеве «Историје» // Научни састанак слависта у Вукове дане. Реферати и саопштења. Књ. 17 / 2. Београд, 1988. С. 127–138.

Толстой 1976 – *Толстой Н. И.* Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI–XVII вв.) // Вопросы русского языкознания. М., 1976. С. 177–204. [То же в кн.: *Толстой Н. И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 108–127; *Толстой Н. И.* Избранные труды. Т. 2. Славянская литературно-языковая ситуация. М., 1998. С. 148–173].

Толстой 1978 – *Толстой Н. И.* Литературный язык у сербов в конце XVIII – начале XIX в. // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978. С. 269–328.

Толстой 1990 – *Толстой Н. И.* К вопросу об историографическом слоге сербского («славеносербского») литературного языка (Савва Владиславич – Иоанн Раич – Милован Видакович) // Сборник за филологију и лингвистику. Књ. 33. Нови Сад, 1990. С. 479–486. [То же в кн.: *Толстой Н. И.* Избранные труды. Т. 2. Славянская литературно-языковая ситуация. М., 1998. С. 229–238].

Толстой 1990а – *Толстой Н. И.* Два иностранных свидетельства о славянах, русских, о церковнославянском и русском языке // Язык: система и подсистемы. К 70-летию М. В. Панова. М., 1990. С. 265–280. [То же в кн.: *Н. И. Толстой.* Избранные труды. Т. 2. Славянская литературно-языковая ситуация. М., 1998. С. 440–453].

Трифуновић 1994 – *Трифуновић Ђ.* Вавилонска кула и схватање језика // Трифуновић Ђ. Стара српска књижевност. Београд, 1994. С. 145–178.